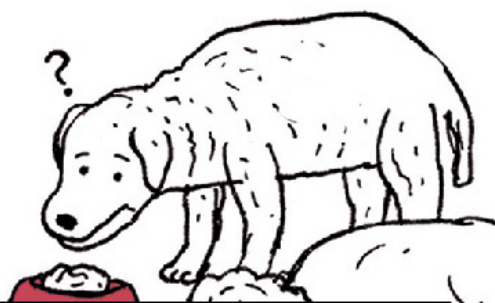

Александр Бессонов

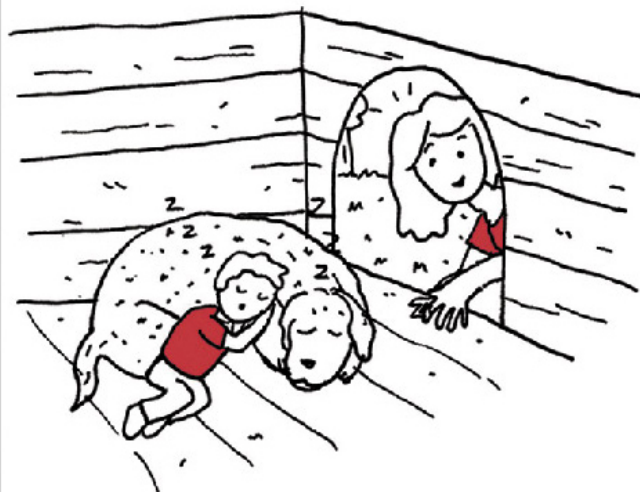
27.PNG

28.PNG

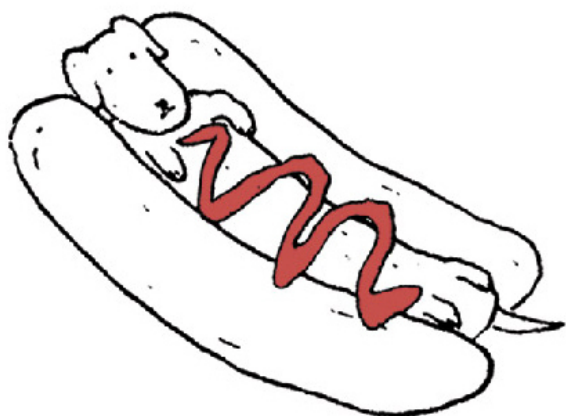

32.PNG

33.PNG

ЧАРЛИ 2.0

37.PNG

38.PNG

Одобрено Рунетом

Александр Бессонов

Чарли 2.0

«Издательство АСТ»

2022

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Бессонов А.

Чарли 2.0 / А. Бессонов — «Издательство АСТ»,
2022 — (Одобрено Рунетом)

ISBN 978-5-17-150108-2

Помните, как мы в детстве просили добавки?! Это значит, мамин борщ удался на все 300%, а она будет целый день улыбаться. Так же получилось с первым сборником писателя Александра Бессонова. Первый тираж мгновенно раскупили — и попросили добавки. В виде светлых, пробуждающих историй про любовь, счастье, добро, собак, психологов, горничных, салат «хе»... Вы просили, мы сделали! У вас в руках та самая добавка, от которой автор будет улыбаться весь день! И вы — тоже. Александр Бессонов — мастер короткой прозы из Новосибирска. Автор книг «Чарли», «Добрее» и «Мадам», победитель фестиваля «Беспринципные чтения» с рассказом «Граф Монте-Кристо». Трогательные и полные светлого юмора истории Александра Бессонова полюбили его многочисленным подписчикам в соцсетях. Его рассказы с большим удовольствием читают со сцены Катерина Шпица, Павел Деревянко и другие резиденты «Беспринципных чтений». Книга содержит нецензурную брань.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-150108-2

© Бессонов А., 2022
© Издательство АСТ, 2022

Содержание

Предисловие ко второму изданию	6
Баба Ньюра	7
Чарли	8
Горничная	11
В воскресенье был у мамы с Домиником	14
Алёша	15
Граф Монте-Кристо	18
Больничка	21
Like a Rock Star	24
Прыжок	26
Лифчик	28
Trip	29
Волшебная сила искусства	31
Экскурсовод	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Александр Бессонов

Чарли 2.0

© Александр Бессонов, текст, 2019, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Предисловие ко второму изданию

Перед вами мой первый сборник рассказов. Я не знаю, как он оказался у вас в руках, но хочу вас поблагодарить – вы перевели своё внимание с телефона на книгу. А если учесть, что из всего множества книг перед вами моя – я счастлив. Давайте знакомиться.

Меня зовут Александр. У меня есть работа, жена, две дочки и собака по имени Доминик. Перед написанием этой книги меня поглотил кризис среднего возраста. У мужчин это происходит примерно так: ты достигаешь определённых результатов (семья, бизнес, выплаченная ипотека и т. п.), а потом возникает вопрос: а дальше что? Все установки родителей выполнены. Внутри возникла дыра, которая меня разъедала. Каждый день.

Справляются с кризисом по-разному: алкоголь, наркотики, другая семья... На похоронах очередного приятеля, кто-то сказал: «Оно и понятно. Столько пить» – и я понял, что МНЕ НИЧЕГО, БЛИН, НЕПОНЯТНО! Нужно что-то делать.

Мне посоветовали прочитать книгу «Путь художника». Там есть такое задание: «утренние страницы». Нужно было вставать на час раньше обычного и писать, что хочешь, главное – целую страницу. Решил попробовать. Вставал в 6.30 утра, запирался в маленькой комнате и писал. Когда дети вставали и собирались в школу, они слышали за дверью смеющегося папу. Мне и правда иногда было дико смешно, а иногда... иногда были слёзы. Пробирало так, что было трудно сдерживаться, и взрослый мужчина пускал скупые слёзы. Но главное – помогло. Дыра внутри меня стала сжиматься. Стало легче.

Потом я начал выкладывать рассказы в Сеть. Пошли репосты, комментарии незнакомых мне людей, которые писали: «Ты не один! У нас так же!» И дыры не стало! Потом на меня вышло издательство – и перед вами лежит вот эта книга. Книга, которая, прежде всего, вытащила меня из затяжного кризиса мужчины среднего возраста.

Истории, которые вы здесь читаете, происходили со мной, с моими друзьями, родственниками. Эти истории вспоминались спонтанно: в самолёте, в гостинице, дома на кухне, во время прогулки с собакой. Поэтому добро пожаловать в мир Александра Бессонова! Ну что, начинаем.

В маленьком провинциальном городке, который был не так мал, как провинциален, в обычном районе многоквартирных домов...

Баба Нюра

Эта история произошла в моём маленьком городке. Жила там бабушка одна. Когда ушёл её дедушка, она загрустила, некому стало возить её на дачу. И вообще тоскливо ей стало, даже поговорить не с кем. Подарили ей родственники сотовый телефон, а пятилетняя внучка возьми и скажи:

- Ну вот, бабуля, теперь можешь с людьми общаться. Желать им чего-нибудь.
- Так это же деньжищи какие надо!
- Ну, первые десять секунд бесплатные.

У бабы Нюры созрел план. Она завела себе тетрадку, куда записала всех знакомых и родственников. Разбила четко по времени, кому и когда звонить. Разговор был примерно такой:

– Здравствуйте, это баба Нюра. С Медовым Спасом вас! Не забудьте взять зонтик. Дождь обещали.

– Спасибо, баба Нюра!

Ровно десять секунд. Обычно она поздравляла с каким-то праздником и давала добрый совет. Советы были настолько приятными и милыми, что про неё на местном телевидении сделали сюжет. После которого местный мобильный оператор дал ей номера телефонов своих абонентов.

Через три месяца в городе уже все знали бабу Нюру. Считалось, что, если она позвонила человеку, день у него будет счастливым. В очереди на почте можно было услышать:

– Спасибо, баба Нюра! Вы тоже не забудьте поесть. Здоровья!

Я слышал эту историю от знакомых, но сам не верил. И вот однажды на мой телефон позвонили с неизвестного номера:

– Здравствуй, это баба Нюра. С Пасхой вас! Улыбнись солнцу!

– Спасибо, баба Нюра! Ты сделала мой день.

Это было так просто и хорошо. Я вспомнил свою бабушку. Посмотрел на солнце и улыбнулся.

Чарли

Меня зовут Чарли. Я лабрадор. Милый кобелёк, который нравится всем. Иногда, правда, мне не нравятся эти самые все – приходится кусать. Берегите попы. Ещё у меня есть хозяйка. Я её люблю, какой бы она ни была и что бы ни вытворяла. Дальше не обсуждается. Люблю – и всё.

Она купила меня щенком. Мне был месяц, а ей – четыреста восемь месяцев. Не ищите калькулятор, так и быть, помогу – тридцать четыре года. Уже на следующий вечер она сидела на полу нашей двухкомнатной хрущёвки, пила четвёртый по счёту бокал красной гадости, гладила меня и плакала:

– Ну и катись на фиг. У меня теперь есть собака, она никогда не предаст. Скажи, Чарли, что во мне не так? Сказал, готовлю не очень – пошла на курсы к французскому шеф-повару. Вроде перестал бубнить. Потом до одежды моей докопался: ходишь, говорит, в бесформенных балахонах и похожа на мешок с картошкой, рядом стоять стыдно. Сменила гардероб, хорошо ещё, помогли мама с бабушкой – много своих вещей отдали. Вообще перестал на меня смотреть. Потом намекнул на секс: типа, у нас уныло, а в кино по-другому, люди с душой и профессионализмом подходят к процессу. Какие такие кина? Я два месяца на Ютубе изучала ролики и на бананах едва не разорилась. Опять бабушка помогла – принесла два ведра кукурузы. Всё для него! А он ушёл... Чарли, ты у меня один-единственный. Не бросай никогда, ладно?

Я посмотрел в зарёванные глаза и лизнул её в щёку. Что оставалось делать? Это сейчас я могу того придурка сожрать вместе со шляпой и ботинками. А от щенка много ли толку? Она обняла меня, и мы уснули. Говорю же: во всем виновата красная гадость.

Пропорционально размеру моих луж на полу хрущёвки рос и я. Она заботилась обо мне. Видно, всю свою энергию вкладывала. Я по ящику видел передачу про пятизвездочные турецкие отели, называются «ол инклюзив». В тот период нашей жизни я наслаждался ультра ол инклюзив. Кормили от пуза, по субботам – авокадо. А обязанностей никаких: утром проводил хозяйку на работу и жди себе, пока вернётся. Я и ждал (если честно, спал без задних лап). Потом она возвращалась, целовала меня и кормила фаршем. Мы оба были счастливы. Говорю же, люблю её. Всем сердцем люблю.

А потом в квартире нарисовался какой-то хмырь, вроде коллега с работы. Пришли они после кина, выпили на кухне красной гадости и в спальне закрылись. Судя по звукам, ей понравилось. Ну, раз она счастлива, то и я счастлив. Однако наутро она впервые за всю нашу совместную жизнь забыла меня покормить. За это расплатились ботинки хмыря. Скажем так, их не стало. Хотел и хмыря наказать, но она смотрела на него с такой любовью, что я передумал.

Хмырь оказался нормальным мужиком – мясо мне приносил. Ботинки, правда, прятал в холодильник. Что странно – он навещал нас только в обеденное время, ну и ночевал иногда. Вечерами хозяйка не отлипала от телефона: с ним, похоже, переписывалась. И становилась всё грустнее. По выходным совсем труба – сидит и смотрит на телефон, а он не звонит, кот дрянной. Во время очередного напольного вечернего заседания с красной гадостью она гладила меня и говорила:

– Эх, Чарли, ну почему всё так? Он женат. Один нормальный, понимающий человек попался и тот, блин, с приданым. Думала в его компании дух перевести. Перевела, ага! Каж-

дый его лайк в Инсте¹ отслеживаю, с телефона не слезаю. Я ведь лучше его жены, Чарли. Вот, посмотри на груди мои – это ж подарок судьбы. Дожила, собаке грудь показываю! Скоро новогодние праздники, а мы с тобой опять одни.

Она тихо заплакала. Ну всё, конец тебе, хмырь! Добегался, параллельный мой. Она меня обняла, а я рычал от ненависти.

На следующий день, когда он явился в очередной раз на обед в костюме, лишился и костюма. Как только ушёл в её комнату, я приступил к работе. За каждую её слезинку, козёл, ответил! От костюма остались рожки да ножки. Ещё повезло: нашёл на полу два телефона на зарядке – его и её. Сгрыз оба. А зачем в эту штуку пялиться и потом плакать ночами?!

Хмырь вышел из спальни в её халате, увидел, что, кроме халата, надеть нечего и телефона нет, начал хлестать меня поводком. Она закричала, хотела меня защитить. Хмырь её оттолкнул, сгрёб меня в охапку, спустился к машине и запихнул в багажник. Я думал, топить везут, прикидывал, как на него накинусь, когда из машины вылезет. Но хмырь притащил меня в какую-то клинику. В клетку посадили, вкололи что-то, тут мои силы и закончились. Когда проснулся, чужая тётка гладила меня через прутья клетки и говорила в телефон:

– Что за люди? Заведут собаку, наиграются, и всё, не нужна. Привезут, тысячу сунут – усыпляй, дорогая. Ладно, я тебе перезвоню.

Тётка подседа ближе. Одной рукой гладит, а второй шприцем в бок целит. Я не тупой, всё понял. Только хозяйку жалко: как она без меня? Троекратное «гав, гав, гав»! Ну, пока, мир.

Вдруг двери открылись, и она сама вбежала, вся зарёванная:

– Стойте! Нет, не надо! Я нашла тебя, нашла!

Тётка остановилась и заворчала, что не вернёт тысячу, но нам не до неё было. Хозяйка бросилась ко мне, я – к ней.

– Чарли, я все клиники объездила! Прости меня, прости! Слышишь?

Говорят, что собаки не плачут. Враньё. Тогда я плакал, один раз. Только никому не рассказывайте. Мы вернулись домой и уснули.

Потом хозяйку уволили – это хмырь постарался. Из моего рациона пропало мясо, пришлось сидеть на кашах. Я стал пассивным вегетарианцем. Но она не сдавалась. Мы с ней начали бегать по утрам. В основном, конечно, я бежал, а она больше берёзками любовалась. Отдышится – и до следующей берёзки. Пару месяцев прошло, и ничего, резвее побежала. Красную гадость почти перестала пить. Только с бабушкой, когда та приносила кукурузу и старые юбки.

¹ Мета запрещена в РФ.

Ещё хозяйка пошла учиться – туда, куда давно хотела. Цветочки в букеты собирать. Я ей намекал, чтобы то же самое, но с мясом. Мясной букет – лучшее, что есть на земле. Но раз хозяйка предпочитает цветочки, значит, я тоже. Всю нашу хрущёвку завалила букетами и сказала:

– Если мне никто не дарит цветов, значит, сама буду составлять красивые букеты и дарить другим.

Я намёк понял и на следующей пробежке принёс выдранный с корнем лопух – большой и зелёный. Хозяйка презент оценила, обняла меня, поцеловала. Сентиментальная! Вскоре её взяли на работу в цветочный магазин, чему она была рада, а я ещё больше. Во-первых, всё цветочное барахло переехало по месту службы, а наша хрущёвка снова на квартиру стала похожа, а не на стог сена. Во-вторых, в мой рацион вернулось мясо.

Через два года к нам пришёл Серёга. Вроде холодильник чинил, а потом остался. Серёга классный! Он её не обижает, наоборот, она с ним смеётся постоянно. Недавно появился ещё один Серёга, совсем маленький. Хозяйка попросила его тоже охранять и любить. Сделаем! По-другому никак – я же собака.

Горничная

Нет ничего более постоянного, чем временное.

– Ты пока горничной поработай у Петра Александровича в гостинице, – предложила тётя Татьяне, когда ту не взяли на работу в «Бургер Кинг» на время летних каникул в институте радиотехники.

Татьяна не мечтала стать радиотехником, а горничной и подавно. Но со дня того разговора прошло пятнадцать лет, а она по-прежнему работала в гостинице. Тётя ушла от Петра Александровича, и с каждым новым её ухаждёром у Татьяны появлялись свежие вакансии: касир в контактном зоопарке, диспетчер в троллейбусном депо, администратор в борделе, упаковщица гильз на патронном заводе. Тётя была весьма разносторонним человеком и кавалеров выбирала таких же. Из всех предложенных вариантов самым заманчивым Татьяне казался контактный зоопарк, но он находился в обычной хрущёвке, на первом этаже. В одной комнате жили тётя и актуальный ухаждёр, в другой – козёл и гусь. Козла полагалось регулярно расчёсывать, гуся купать. Оба агрессивные, и Татьяна отказалась.

К небольшой гостинице в центре города Татьяна привыкла. Ей нравилась униформа горничной, нравилось приходить в номер, когда гость отлучался. Оставленные вещи многое могли рассказать о владельце – упражняться в наблюдательности здесь можно было до бесконечности.

У этого по комнате разбросано бельё, на полу валяются пустые бутылки и раскуроченный телефон, пульт от телевизора разбит. Всё понятно: бросили человека. Значит, сегодня будут новые пустые бутылки, а завтра – использованные презервативы.

У этого всё чистенько, прибрано, кровать заправлена. Вещи тщательно выглажены и висят в шкафу, в ванной сохнут выстиранные носки. Новые упаковки мыла, шампуня и кондиционера приходится подкладывать каждый день, при этом аккуратный несессер постояльца распухает на глазах. Тоже всё ясно: военный, красивый и здоровенный. Надо сказать охране, чтобы утроили бдительность: скоро попытается вынести телевизор.

Работа как работа, в общем. Всё лучше, чем торчать дома одной.

Как обычно, Татьяна пришла к администратору Нине Александровне за нарядами на уборку.

– Приветик, Танюша. У тебя сегодня шесть номеров. Прапорщика из двенадцатого ребята ментам сдали: хотел вынести телевизор в наволочке. Сказал, что в части бойцам скучно, а тут телевизор без дела пылится. Вовремя ты его срисовала, молодец.

– Спасибо, Нина Александровна! Он бы потом матрац утащил.

– Сегодня в десятый заселился какой-то технолог. Интересный мужчина, обаятельный, и волосы красивые.

– Значит, фен пропадёт. Пойду убираться.

Татьяна справилась со всеми номерами, оставался только десятый. Её охватило неясное и волнующее предвкушение. На стук никто не открыл, поэтому она отперла дверь своим ключом и зашла.

В номере пахло чем-то невероятно приятным, нежным, ласковым, добрым. Татьяна сделала глубокий вдох, и в груди запорхали бабочки. Счастье? Источник нежного запаха вскоре обнаружился – духи Kenzo Pour Homme.

На прикроватной тумбочке лежала книга Джона Грина «Виноваты звёзды». Татьяна прилегла на аккуратно заправленную кровать и начала читать, пытаясь хоть что-то узнать о постояльце. Впервые человек, живущий в номере, оставался для неё загадкой. На двадцатой странице Татьяна заплакала, а потом тихонько уснула.

Проснувшись через два часа, она вскочила и принялась за уборку. По телевизору показывали концерт её любимой Zaz, пахло духами, а бабочек становилось всё больше. Татьяна сделала из большого банного полотенца лебедя и посадила его в изголовье кровати. Выходя из номера, она задержалась на пороге, думая о чём-то, вернулась, взяла белую майку гостя, побрызгала его парфюмом и сунула в карман передника.

По пути с работы Татьяна зашла в книжный магазин и купила «Виноваты звёзды». Дома она покормила кота, надела майку и продолжила чтение. Роман был настолько грустным, что слёзы опять полились сами собой, а ощущение чего-то тёплого и родного вернулось. Он был рядом. Он был тем самым.

Утром случилась маленькая неприятность: глядя майку, Татьяна замечталась и оставила на ней некрасивый коричневый след от утюга. Она очень старалась не нервничать, аккуратно сложила испорченную майку в сумку и отправилась на работу. Первым делом зашла в кабинет администратора.

– Нина Александровна, постоялец из десятого номера ничего не терял?

– Вроде нет. Спокойно позавтракал и ушёл. А что такое, Танюша, ты спёрла у него фамильные бриллианты?

– Почти.

– Эх, какой же он красавчик, ты бы видела.

И на этот раз Татьяна оставила десятый номер напоследок.

Знакомый запах снова мягко окутал её. В номере было чисто и тихо, на подушке лежали роза на длинном стебле и листок из гостиничного блокнота.

«Привет! Спасибо за лебедя. Он согрел меня и моё мокрое тело. Как книга? Плакали? Верните майку, воришка! Точнее, давайте так: я вам розу, а вы мне – мою майку».

Татьяна улыбнулась, взяла цветок и прижала к себе.

Владимир заливал тяжёлое расставание работой, потому что пить уже не мог. Пять лет он делил любимую женщину с её мужем. Она была начальницей и, видимо, умела управлять чувствами. Владимиру надоел статус «мужчины на час», он не раз предлагал остаться вместе по-настоящему, всерьёз. И каждый раз получал ответ: «Милый, давай подождём ещё немного» и десять тысяч рублей на зарплатную карту. Эти деньги он пропивал. Подарки любимая дарила удивительно безликие: носки, трусы, обычные белые майки.

Владимир устроился в другую компанию. Она невозмутимо предложила отметить это прощальным сексом. Он хлопнул дверью. Ничего не оставалось, кроме как окунуться в работу и нахватать побольше командировок.

Он поселился в обычной гостинице с необычным персоналом. В первый же вечер Владимир обнаружил, что его любимую книгу кто-то читал: на самой трогательной двадцатой странице были видны следы слёз. Парфюмом кто-то пользовался. И этот таинственный кто-то оставил включенным телевизор – как раз пела Zaz, чьи диски он слушал постоянно. Наконец, из номера пропала ненавистная белая майка, один из подарков некогда любимой женщины.

Тот, кто убирал номер, будто выбросил всё ненужное, старое, больное из души. Владимир побежал в цветочный магазин за самой красивой розой.

На следующий вечер, когда он вернулся с работы, на подушке лежали голый стебель от розы, без лепестков и листиков, и записка:

«Привет, милый друг! Я согласна на сделку, но с определёнными условиями. Я принимаю часть розы и за это отдаю часть майки. Ваша воришка».

Рядом лежала майка с тёмным пятном от утюга.

Владимир схватил новый листок бумаги и написал:

«Отличная сделка, я как раз терпеть не могу чистые белые майки. Где вы были всё это время? Позвоните мне +7 913 902...»

В воскресенье был у мамы с Домиником

В воскресенье был у мамы с Домиником. Доминик себя очень плохо вёл: ковырялся в мусорке, ел мамину рассаду, гавкал и не давал говорить. Мама не выдержала и громко ему всё высказала:

– Что это такое?! ТЫ КАК СЕБЯ ВЕДЁШЬ?! Тебе четыре года! По-нашему – сорок лет! Твоему хозяину столько же! Ты видел, чтобы он мусор ел?! Нет! Потому что он хорошо воспитан! Родители его правильно воспитали! Он умеет вести себя в гостях.

Доминик внимательно слушал маму. Когда она рассказывала про манеры, он посмотрел на меня. Я тоже внимательно слушал маму. И так же, как и он, был удивлён. Оказывается, меня воспитали не есть мусор. Мама продолжала:

– Вот если я к тебе приду в гости и начну твою рассаду есть, тебе это понравится?!

Доминик виновато молчал. Я же пытался вспомнить, где у нас дома находится сад-огород. Интересно, что же он там такое посадил...

– А гавкаешь зачем? Тебе сорок лет! В твоём возрасте у мужчин уже по несколько детей, да что там детей... по несколько жён! И уж поверь, они не гавкают, молча это делают.

Домой мы с Домиником шли молча. Двое сорокалетних мужчин.

Алёша

Я Алёша. У меня семья крутая, как Бамблби. Это трансформер такой, неучи! Мама, правда, уехала. Вначале она лечилась, долго лежала в кровати, меня обнимала. А потом бабушка сказала, что мама уехала в санаторий, очень далеко. Вот бы она мне привезла Оптимуса Спрайма!

После того как мама уехала, папа заскучал. Начал сильно уставать на работе – так сильно, что, когда приходил домой, смотрел на меня и плакал. Кто-нибудь знает главного на работе? Скажите ему, чтобы папу не нагружали. Неправильно, когда взрослый дядя плачет. Ещё он говорил, что больше не может, снова уходил, а возвращался совсем уставший, и пахло от него противно. Наверное, он у меня спортсмен, бегал, а потом из лужи пил. Круто я про лужу придумал, ржака?

Однажды я уже почти спал, но слышал, как бабушка кричала на папу, что пора забыть, отпустить и что есть я. А он ревел, почти как Анька со второго этажа: она у нас во дворе главная плакса. В том, что папа плачет, точно виновата работа. Значит, он трудолюбивый. И весёлый был – до того как мама уехала. Мы с ним собрали почти полную коллекцию Биёниклов. Чей ещё папа так может?

Потом бабушка повела меня в садик. Я всю дорогу говорил, что мне и дома хорошо. Но бабуля упёртая, хоть и добрая. В садике мне не понравилось. Во-первых, Алёш там много, а должен быть один – я. Во-вторых, девчонки. Я не против девчонок, но они дурёхи. Ноют, выделяются, банты на голове носят. Вот вы носите? И я нет! Но хуже всех в садике Валентина Семёновна, воспитательница. Почему она бабушке нравится, не пойму. Наверное, упёртые друг друга любят. Мы с папой называем её Тётя Босс.

В садике я больше всех дружу с Платоном, нам вместе весело, а Валентина Семёновна завидует. Однажды сказала, что, если не замолчим, она нам языки проколет дыроколом. Дырокол всегда стоит у неё на столе. Дырка в языке – это круто, я по телику видел. Но, наверное, больно, поэтому приходится слушать Тётю Босса.

На сончас у меня есть кровать. Дома своя и тут своя, прикиньте? Мы с Платоном спим рядом. Но, вообще, не спим, а разговариваем про Оптимуса. Валентина Семёновна ругается, что надо молчать в тряпочку. Не знаю, в какую, может, есть специальная тряпочка для молчания, но мы не нашли. Невезуха.

Я вот о чём думаю. Тётя Босс говорит, что мы не понимаем своего счастья, и, будь у неё такая возможность, она спала бы с утками. В чём прикол? Это неудобно, и утки щипаются. Я точно знаю, был же в деревне.

На полдник в садике дают компот с ватрушкой. Ох, как же это вкусно! Давайте я сейчас помолчу, а вы купите себе ватрушку. Подожду немного.

Ну, как? Я же говорил, что понравится. Сейчас ещё расскажу, как меня забыли в саду. Классная история! Короче, был вечер. Всех уже забрали родители, мы с Платоном одни остались. Валентина Семёновна набирала папин номер, а его телефон был отключён. Позвонила бабушке, и та сказала, что кто-то въехал на машине в столб. Я не понял, в чём дело, но Тётя Босс заплакала, а пока она разводила сырость, за Платоном пришла мама. Воспитательница попросила её взять меня на ночь. Прикиньте, как круто? К другу с ночёвкой!

Мы все вместе сели в машину. Мама Платона работает в такси – офигеть! Она быстро водит, как Шумахер, и ругается за рулём плохими словами. Папа Платона тоже уехал далеко: Платон думает, что в Японию, искать секрет японского производства.

Квартира оказалась тесная, но было всё равно весело. Мы троём играли в жмурки и пили газировку с пузырьками, дома такой нет. Мама классная у Платона! Помыла мне голову и

подстригла ногти. Говорит, если на ногах – ногти, то на руках – рукти. Вот приколы! Был очень крутой день. Потом она нас уложила и прочитала сказку про Русалочку. Как мама.

Утром меня забрал папа. Сказал, что потерял машину. Не понимаю, как можно потерять такую огромную штуку, это же не Биёникол. Ещё у папы на лице были страшные порезы и синяки: он так парился веником в бане, что поцарапал лицо. Глупый папа бывает, мне его иногда жалко.

Вечером к нам в гости пришёл папин лучший друг Серёга. Самое главное, что у Серёги есть Чарли! Настоящая собака. Клыки огромные, как у волка, но он меня никогда не кусает, только руки лижет. Пока мы с Чарли играли, взрослые поссорились. Серёга кричал: «Ты совсем офигел, на кого Лёху оставишь? Так нельзя, живи, ради неё и нас живи». Папа в ответ орал, что утешать его не надо. Они подрались в конце. То ли папа первый Серёгу ударил, то ли наоборот, в общем, боролись на кухне и сопели, а мы с Чарли разнимали. Чарли молодец! Укусил обоих за попы, чтобы никому не было обидно. Потом мы устали и лежали на полу все вместе. Я сказал:

– Вы зачем дерётесь? Плохая привычка, маме не понравится.

– Её нет, – ответил папа.

– Чего нет? – не понял я.

– Рано! – сказал Серёга папе, а мне объяснил, что нет машины.

Папа точно глупый, нашёл из-за чего расстраиваться. Пришлось его утешать.

– Ты только не реви, это всего лишь машина. Новую купим. Ты у меня умный, придумай что-нибудь, и Серёга поможет. Помнишь, я потерял большого Скуби-Ду? Ну да, вначале трудно, плакал каждый день. Потом так решил: я есть, а его нет. Мне тут хорошо, а Скуби-Ду в другом месте хорошо. Нечего грустить.

Папа крепко обнял меня. Они с Серёгой молчали и плакали. Точно вам говорю! Я видел слёзы. Чарли скулил. Двое взрослых и разнюнились из-за машины. Потом все с пола встали, папа обещал Серёге постараться и взять себя в руки. Чарли в ту ночь спал со мной. Какой же он крутой и тёплый!

На следующий день папа пришёл за мной в садик пешком. Притащил мне велосипед, а маме Платона – цветы и долго просил прощения. Они улыбались, мы с Платоном тоже. Его мама про машины понимает, сразу сказала: ничего, бывает. Хорошо они смотрятся, как жених с невестой.

Потом я ехал домой на велосипеде, а папа бежал за мной. Я смеялся, а он почему-то и у меня просил прощения. Взрослые все странные, даже свои.

Папу как подменили с тех пор, как они с Серёгой подрались и Чарли укусил его за попу. Теперь он приходит домой пораньше. Наверное, кто-то поговорил с главным по работе. Спасибо! Ещё мы с папой по вторникам ходим в бассейн. Он плавает как дельфин и обещал меня тоже научить. По четвергам у нас карате: мы надеваем белые кимоно и махаемся прям до полусмерти. Особенно папе нравится бить грушу, он может двадцать минут колошматить без остановки, такой злой. Вам и не снилось! А потом он улыбается. Вчера ходили на китайский язык – думаем и туда записаться. Папа говорит, китайский знать полезно. Мне нравится, что там рисуют каракули, а на самом деле это не каракули, а слова. И учат есть двумя палочками, как в кино.

Недавно у меня был детский корпоратив – так папа в шутку называет день рождения. Я спросил, приедет ли мама, но оказалось, она очень занята в санатории. Зато папа позвал всех моих друзей из садика, чтобы день рождения был лучшим в жизни. Он звонил организаторам праздников, клоунам и людям, которые торты делают. Говорит, проще на Луну слетать, чем устроить день рождения ребёнку. Бабушка умная, предложила подключить маму Платона. Суперкруто вышло! Они с папой быстро договорились, все сделали, а она торт испекла с Бамблби. Чарли пришёл, мы с ним танцевали, и с девчонками тоже. Иногда и девчонки на что-то годятся. Жалко, что мама не позвонила.

Прошёл год. Мы очень много времени проводим вчетвером. Я, папа, Платон и его мама. Круто иметь брата-друга. Мама Платона добрая. Вы бы видели, как она наркомана отделала, который хотел забрать мой велик! Папа с ней после работы не устаёт. Сегодня бабушка и папа сказали, что хотят со мной серьёзно поговорить. Я знаю, о чём. Конечно, выберу Бамблби. Оптимус, только не обижайся!

Сегодня ночью мне приснилась мама. Красивая такая. Она меня гладила и тихонько на ушко сказала, что папе и мне с мамой Платона жить лучше, что она хорошая и чтобы я это папе объяснил. Алёша умный, Алёша всё объяснит как надо.

Граф Монте-Кристо

У Артёма всё было хорошо. Ну прямо хорошо. Ему сказали, что нужно учиться в школе, и он учился в школе, потом в институте, затем стал специалистом по менеджменту. Ему сказали, что пора жениться. Он сразу выбрал ту единственную и повёл в загс. Ему сказали, что необходимо искать работу, и Артём нашёл очень хорошую вакансию в иностранной компании – торговать собачьим питанием. Ему сказали, что нужны квартира и дети. Ну, раз нужны, пожалуйста: двушка в центре, ипотека на пятнадцать лет, двое детей – пацаны. Всё было так хорошо, что аж бесило. Когда Артёму исполнилось тридцать, голос, побуждавший его действовать, вдруг пропал. У тебя всё есть, живи и радуйся. Он и жил да ещё каждый год по две недели отдыхал с семьёй в Турции. И это тоже было хорошо.

По будням Артём ездил на работу, делая успехи в продажах собачьего корма. Каждый день он ждал обеденного перерыва, во время которого любил бродить по городу: смотреть на здания, кормить голубей, общаться с бомжами. А ещё он любил поезда. Ему нравилось приходить на железнодорожный вокзал, встречать и провожать составы, наблюдать за людьми, которые приезжают и уезжают. В них была какая-то необъяснимая энергия. Они жили, расставались, возвращались, грустили и радовались. Потом Артём дорабатывал, ехал домой и отвечал на стандартные вопросы жены, как прошёл день. Ужин, сериал, порнуха и сон. Он не пил, не изменял, не делал ничего плохого. Он был хорошим, до тошноты хорошим.

Однажды в понедельник Артём дождался обеда и, не сказав коллегам ни слова, пулей вылетел на улицу. На улице было пасмурно, хотелось грустить. Увидев вывеску «Психолог» на одном из домов, он зашёл внутрь. На ресепшене сидела милая женщина, которая сразу спросила:

– Вы записаны на приём?

– Да! – Артём не захотел расстраивать её отрицательным ответом.

– Отлично, как вас зовут?

– Виктор, – соврал он.

– Не могу найти вашу запись.

– Странно... И возмутительно, – неожиданно для самого себя сказал Артём. – Я записался на первый приём, а вы всё напутали, – уже чуть громче добавил он.

– Извините, сейчас что-нибудь придумаем. Вот свободна семейный психолог Екатерина Павлова. Проходите.

Артём не ожидал такого, но отступать было поздно: он решил идти до конца. Его проводили в небольшую комнату с двумя красными диванами, где было светло и свежо, так что Артём чувствовал себя вполне комфортно. На одном из диванов сидела женщина лет сорока в очках и что-то читала в телефоне.

– Здравствуйте, меня зовут Екатерина, – сказала она.

– Виктор.

– Ну, Виктор, рассказывайте, зачем пожаловали.

– Я – алкоголик, – сообщил Артём, в который раз удивляясь собственной прыти.

– Так, продолжайте.

– Запойный. Когда напиваюсь, бью жену. – Артём немного подумал и добавил: – И её мать.

– Так.

– Отца пока не могу избить, он сильный. Может, на тайский бокс пойти? Что посоветуете? В этот момент Артём почувствовал мощнейший выброс адреналина. Да, он врал, но остановиться не мог. Ему нравилось это чувство.

– Виктор, давайте разбираться...

Когда приём закончился, Артём вернулся на работу абсолютно счастливым. Всего за две тысячи рублей он получил такой энергетический заряд, что хотелось петь, танцевать, просто орать от эйфории. Он нашёл свой наркотик. Тем же вечером Артём напился так, что на следующий день не пошёл на работу. У него созрел план.

Быстро пролетел месяц. Все обеденные перерывы Артёма были заняты походами к разным психологам.

По понедельникам он был пьяницей, избивающим всех вокруг. Истории о Халке-алкаше Артём заимствовал из сериалов, книг и сводок новостей. «Пьяный мужчина, схватив нож, накинулся на соседей, когда те постучались к нему в квартиру», – писали в газете. Психолог Екатерина слышала следующее:

– Шёл третий день запоя, я пил виски. Хотелось грустить и есть. Я взял нож и собирался почистить картошку, когда раздался стук в дверь. Я понял: это они, ангелы тьмы..

– Надо прятать ножи, – резюмировала психолог Павлова.

По вторникам Артём был игроманом. Точнее, эльфом восьмидесят третьего уровня из «World of Warcraft». В этом мире он был одинок, жил с мамой и не работал. А в виртуальной реальности у него было целых три полноценных эльфийских семьи и дракон. Проблема заключалась в том, что маминой пенсии не хватало на вещички и артефакты, требовалось срочно найти работу. Доктора, помогайте!

Среда была днём классики. Любовный треугольник. Чтобы добавить огня, Артём позаимствовал сюжет из «Графа Монте-Кристо». Он якобы спал с женой большого чиновника, а в прошлом все они были одноклассниками: «Она любила меня, он любил её, она не любила его. Он подбросил мне наркотики, меня посадили, а она не дождалась. Он окончил школу милиции и стал полковником. Я в камере познакомился с парнем, который научил меня обналичивать, не нарушая закон, хотя сам сидел за это. Я вышел и создал империю обнала. Встречаемся с ней по вторникам в гостинице „Колибри“. Вынашиваю план мести. Док, помогайте».

По четвергам Артём изображал несчастного, умирающего от рака. «Breaking bad» в помощь. «Мне осталось жить три-четыре года, – говорил он. – Я обычный программист. Нужно оставить семье деньги. Я создал сайт о проститутках города с уникальной технологией поиска. Постепенно становлюсь порнокоролём».

По пятницам Артём окончательно шёл вразнос: «Десять лет назад я убил человека, а посадили не меня. Помогите справиться с чувством вины».

Так проходили неделя за неделей. По выходным Артём выполнял задания психологов, читал книги и боролся со своими зависимостями. Впервые за много лет он стал улыбаться, шутить, нашёл общий язык с детьми и женой. На работе его повысили: теперь Артём продавал корм ещё и для кошек. Начал ходить в театральную студию и на бокс. А летом он собрался поехать в Индию в одиночестве, чтобы посмотреть на Чхатрапати-Шиваджи – самый красивый железнодорожный вокзал в мире.

К сожалению, сегодня все стали чересчур бдительными, в том числе психологи. Каждый из них настолько поверил Артёму, что решил его сдать.

Психолог Екатерина из комнаты с красными диванами написала заявление в полицию о том, что её пациент постоянно избивает жену и тестя. Да ещё пару раз на психолога замахнулся – специалиста спасли неземная красота и врождённая мудрость (это она добавила от себя для усиления эффекта).

Второй врачеватель душ сочинил жалобу на клиента, устроившего дома подпольное казино (бедняга решил, что «World of Warcraft» – разновидность покера).

Третий обратился за помощью к приятелю-фээсбэшнику – ведь у каждого уважающего себя психолога есть свой человек в ФСБ. И рассказал про империю обнала. Приятель обрадовался и принялся искать, чем бы проверить дырочку на погонах под новую звёздочку.

С проституцией ещё проще. Психолог долго мучился и переживал, но всё-таки сдал Артёма – правда, на неделю позже остальных. Рак у пациента, понимать надо.

Психолог убийцы позвонил куда следует после его первого визита. А потом оперслужба долго тратила время и силы на прослушку встреч маньяка с психологом.

В один прекрасный солнечный день Артёма ждали на работе МВД, ФСБ и Следственный комитет. Они даже устроили потасовку, споря, с кем маньяк поедет в СИЗО. Допросы продолжались три недели, и каждое ведомство допрашивало Артёма по своей статье. Если суммировать все обвинения, которые ему предъявили, получалось, что сидеть Артёму сто тридцать лет и четыре месяца. Теперь каждое утро начиналось с допроса в убийном отделе, потом у остальных. Времени катастрофически не хватало, на работе пришлось взять отпуск по уходу за детьми.

– Ну что, сука, добегался? – злобно спрашивал следователь, бросая на стол фотографии всех неопознанных жертв преступлений в городе и области. – Смотри на фото. Твоих рук дело? Зачем семь лет назад мужика под трамвай бросил?

– Товарищ следователь, ещё раз говорю, это не я. Вы смотрели фильм «Бойцовский клуб»? Я точно так же от депрессии спасался. Я шутил.

– Шутник, говоришь? А зачем женщину в лесополосе...

Пару раз его били.

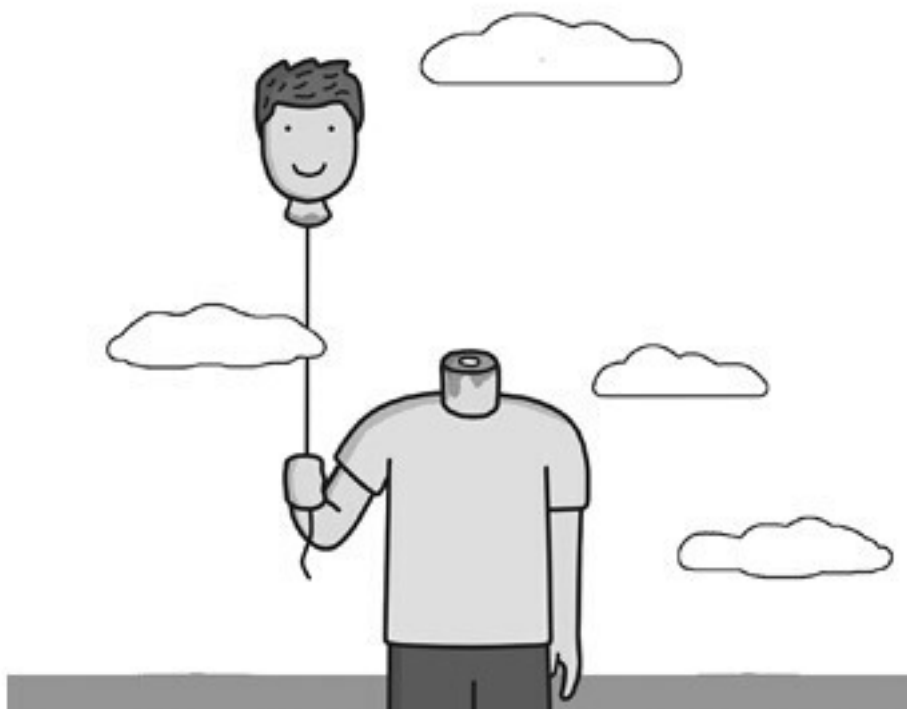
Наконец в дело вмешался дядя Артёма – прокурор Советского района. Как следует проверили, поняли, что шутник, и отпустили, на прощание посоветовав смотреть меньше фильмов.

Оставалась единственная проблема: в субботу Артём записался на приём к одному из лучших психологов в городе. Зайдя к нему в кабинет, он сказал:

– Здравствуйте, Михаил Петрович, у меня зависимость.

– Какая?

– Я обманываю психологов.

Больничка

- Я тебя очень прошу, возьми отпуск в августе!
- Да помню я... Ну, блин, все хирурги уходят летом. А кто работать будет?
- Если не пойдёшь, я тебе палец на правой руке сломаю.
- Ломай на здоровье, у меня их двадцать.
- Точнее, двадцать с половиной. Вот все и сломаю! Чем будешь держать скальпель?
- Носом! Я ролик видел на Ютубе.
- Значит, и нос откушу. Поехали, а? Твои, то есть наши билеты и проживание в Италии я оплачу.

Он сердито посмотрел на неё, встал с кровати и начал собираться.

Сергей Михайлович работал хирургом в Научно-исследовательском институте спины и спинного мозга, сокращённо НИИСО, уже одиннадцать лет. Зарплата была такой же, как у коллег. Ему хватало. Но когда попрекали бедностью, злился. Сергей Михайлович любил свою работу, а его подруга говорила:

– Признайся, тебе просто нравится ковыряться в людишках, чиня их, словно это дряхлые «Тойоты-Короллы» с большим пробегом по РФ.

В ординаторскую зашёл его коллега:

– Сергей Михайлович, там в двадцать четвёртую привезли дядю из области, принимайте. Операция по квоте, он три года ждал. Забавный такой.

- Почему забавный?
- Карася мне подарил вяленого.
- Зачем?
- Говорит, от карасей стоит лучше.

Сергей Михайлович зашёл в двадцать четвёртую палату. На кроватях лежали трое больных и смеялись в голос, слушая четвёртого, сидящего в инвалидном кресле. Тот живо что-то рассказывал, размахивая руками.

– Добрый день. Кто из вас Смирнов? – Сергей Михайлович обвёл взглядом пёструю компанию.

- Если признаюсь, что я, не ударишь? – спросил мужчина в коляске.
- Так я вроде представитель гуманной профессии, людей не бью.
- Специально ударишь, чтобы потом вылечить.
- Мне и так работы хватает. Ходить можете?
- Могу. Но только под себя.

В палате дружно захохотали.

– Товарищи больные, этой шутке лет сто. Отвернулись все к стеночке и подумали о вечерних клизмах. Смирнов, через два дня у вас операция. Я буду её вести. Судя по анамнезу, у вас повреждены три позвоночных диска. Операция долгая и дорогостоящая – около миллиона рублей. По-моему, не смешно.

– Доктор, ты мёд любишь?

– Допустим.

– Если ты меня починишь, я тебя свяжу, запихаю в «уазик» и отвезу к себе на пасеку. Там не природа, а сказка. И лес, и прудик рядом, налюбуйешься – сразу клонит в сон. Забабахая тебе отдых класса люкс. Ты, как Винни-Пух, мёдом рыгать будешь.

– Оптимизма вам не занимать, Смирнов.

– Ещё бы! Я три года ждал этой квоты. Засиделся дома у телевизора, весь Первый канал по именам выучил. Люблю их, но устал страшно. Почините мою спину, доктор, как родного прошу.

– Починим. А пока отдыхайте. Нина Михайловна, тех, у кого завтра операция, порадуйте клизмами, пожалуйста.

Вечером, уходя домой, он заметил чёрный «гелендваген» у центрального входа в больницу. Задняя дверца приоткрылась, и знакомый голос окликнул его. Завотделением.

– Сергей Михайлович, хочу вас познакомить с Петром Ивановичем, он от Григория Семёновича, – елеиным голосом пропел зав. – Пётр Иванович, это наш лучший хирург, золотые руки. Познакомьтесь.

– Очень приятно. Как там у вас дела? Чуткие пальцы пианиста готовы отыграть концерт? – Тот, кто пришёл от Григория Семёновича, явно обрадовался собственной удачной шутке и по-совиному ухал где-то в глубине салона.

– Всегда готов. Извините, мне пора.

– Конечно-конечно. До свидания, Сергей Михайлович. Хорошим людям мы обязательно поможем.

«Гелендваген» мягко зашуршал шинами к воротам.

Как всегда перед операцией, Сергей Михайлович был собран и бодр. Накануне ему снились пасека, «уазик» и Смирнов, который азартно спорил о чём-то с ведущими Первого канала. Однако, войдя в двадцать четвёртую палату, он не нашёл там говорливого пациента. Трое его товарищей сообща разгадывали кроссворд.

– Доброе утро. А где Смирнов?

– Вас спросить надо.

– Не понял?

Три пары глаз смотрели на него недоверчиво.

– Домой поехал Смирнов, – сказал наконец самый мелкий из любителей кроссвордов. – Заходила медсестричка и рассказала, что с квотой беда, напутали что-то. Операция перенесена на неопределённый срок, а Смирнову полагается дальнейшее обследование по месту жительства. Ну, он и собрал вещички.

– Давно?

– Пару часов назад. Скажите, доктор, когда вы все деньгами наедитесь, а?

Сергей Михайлович без стука залетел в кабинет заведующего отделением. Он важно вещал что-то, а интерны, сидевшие тесным кружком, почтительно слушали и конспектировали великого.

Увидев хирурга, начальник оборвал речь на полуслове и нахмурился.

– Все вышли!

Интерны, гремя стульями, поторопились освободить помещение.

– Витя, ты вконец охерел?

– Выберите выражения, Сергей Михайлович. В чём дело?

– Почему ты отменил операцию Смирнова?

– Не отменил. Она будет. Там путаница произошла. Сейчас надо прооперировать уважаемого человека, а потом Смирнова, никуда он не денется. Нас отблагодарят. Приезжайте с Леной на выходных, шашлыки пожарим, отметим это дело.

– Витя, мне вот что интересно. Когда тебя родили, ты же был хорошим человеком. Тебя мама любила. В детсад ходил, потом в школу, поступил в мединститут. Когда это случилось?

– Что случилось?

– Когда ты таким уродом успел стать?

В тот же день Сергей Михайлович стоял за столом и менял диски телу, к обладателю которого испытывал стойкую неприязнь. Операция прошла отлично.

Выкурив сигарету, он набрал знакомый номер:

– Привет.

– Привет, дорогая пропажа. Четыре дня ни слуху ни духу, всё дуешься?

– Да нет. Слушай, сколько стоит твой тур в Италию?

– Наш, ты хотел сказать? Ну, если хорошенько по побережью прокатиться, около миллиона, наверное.

– Можешь одолжить мне на время эти деньги, а я отвезу тебя в другое интересное место?

– В какое?

– Скажи, ты любишь мёд?

Р. С. Эта история произошла, когда мне делали первую операцию по удалению моей межпозвонковой грыжи. Я был одним из соседей по палате весёлого мужичка из деревни. Чем закончилась эта история, я не знаю.

Like a Rock Star

Вся слава и любовь поклонниц в рок-группе достаются солисту. А если он ещё и умер, совсем счастливчик. Илья был басистом в коллективе, члены которого пятнадцать лет назад колесили по стране, уничтожая все попадавшиеся на пути крепкие алкогольные напитки. Про наркотики и вспоминать не стоит. А потом кто-то вышел из окна, и всё закончилось. С тех пор Илья работал в школе звукарём – включал фонограммки на детских праздниках. Поначалу в душе была пустота размером со Вселенную, но скоро в жизни Ильи появилась румяная Настя, которая водке предпочитала квас, и предложила вместе достроить дом в деревне. На летних каникулах делать было нечего, и от скуки он согласился. Удивительно, но пустота в душе уменьшилась. Решил было затосковать снова, но Настя родила ребёнка. Пустота затаилась. Родила второго – и о пустоте он больше не вспоминал: некогда.

В воскресенье утром прозвенел будильник. Наверное, опять кто-то из детей забыл выключить. Илья понял, что больше не уснёт, и пошёл на кухню. Пол в коридоре под его ногами неожиданно закрипел редким двухзвучием. Это была обычная квинта, но в голове у Ильи что-то щёлкнуло. Он быстро пошёл в кладовку, расчехлил свой старый «Ибонез», подключил к компу... Магия!

Следующие две недели Илья не снимал наушники ни днём, ни ночью. Чем дольше он слушал написанную им мелодию, тем больше она ему нравилась и каждый раз казалась разной. Иногда он смеялся и не мог остановиться, вспоминая забавные случаи с гастролей. Иногда сердце рвалось на части, а из глаз лились слёзы.

Наслушавшись вдоволь, Илья отправил трек бывшему директору группы, который вроде завязал с героином, а может, пересел на кокаин. Сейчас он занимался рэп-коллективами и всем рассказывал, что бизнес стал гораздо проще и приятнее. Рок-группы на гастроли возить неудобно: одних музыкантов сколько, ещё аппаратура, инструменты. А тут один человек в майке и кепке плюс флешка. Если совсем лень, можно флешку оставить дома и крутить треки прямо с телефона. Всё равно никто ничего не заметит.

Зазвонил телефон:

– Илья, а ведь ты, сука, гений!

– Привет, Гена. Мы не общались с похорон.

– Забудь про похороны. Ты мне трекан прислал. Чья работа?

– Моя. Половицы в коридоре так поют.

– Умоляю, отдай! Будем делать песню. У меня парнишка талантливый есть на примете – Кобейн нового поколения, весь из себя революционный, в отрицаловке. Заплачу любые деньги.

– Гена, это мелодия о нём. И о нас. Ты не понял?

– Да понял я всё. Отдавай, не тяни резину.

– Бери.

Прошло несколько месяцев. Был хороший солнечный день. Илья с семьёй окучивали картошку, медленно, но верно двигаясь к краю поля. Оставалось две-три сотки, как зазвонил телефон:

– Привет, звезда!

– Привет, Гена. Не преувеличивай, я не настолько хорош в окучивании картошки.

– Твой трек на первом месте во всех хит-парадах страны! Российский айтюнс лопаётся – максимум скачиваний за всю историю. Слушал?

– Нет. Пришли мне mp3.

– До вашей картофельной деревни прогресс не добрался? Ладно, пришлю.

Вернувшись домой, Илья открыл ноутбук, надел наушники и скачал трек под названием «Моя сука». Под волшебную музыку половиц какой-то гнусавый молодой человек рассказывал о своих беспорядочных отношениях с девушками, матерясь через слово. Поток лились призывы сосать, бухать, блевать и нарушать правила дорожного движения.

Илья выключил трек, не дослушав. Пошёл на кухню. Налил водки в гранёный стакан, подумал, отставил в сторону и выпил литр квасу. Затем включил «Breed» группы Nirvana, схватил любимую гитару за гриф и принялся колотить ею по стенам. Like a rock star.

P. S. Этот рассказ я посвящаю Юрию Николаевичу Клиньских (Хой). Первая песня, которую в школе я выучился играть на гитаре, была «Лирика» группы «Сектор Газа».

Прыжок

- Долго нам ещё идти?
- Читайте в договоре, там всё написано.
- Вы думаете, я с собой его таскаю? Будто никто до меня не спрашивал. Кстати, я какая у вас по счёту?
- Пункт договора номер 3.16. Попутчик не обязан отвечать на ваши вопросы.
- Да что ты заладил: читайте, смотрите, молчите. Ведёшь себя как дебил. Мы сегодня прошли вместе километров тридцать, ты – последний человек, с которым я могу поговорить перед «прыжком» этим...

Они шли вдоль берега озера. Двое, со стороны они казались прекрасной парой: сорокалетний волевой мужчина со шрамом на правой щеке и маленькая белокурая женщина с грустными глазами. Он вёл её умирать.

У него был странный, но весьма прибыльный бизнес: к нему обращались люди, решившие, что настало время отправиться в последний путь. Как правило, они были богаты и по разным причинам хотели покинуть мир быстро и красиво. Он шёл с ними в двухнедельный поход, а возвращался один. Он своё дело знал: пропавшего клиента не могли найти ни полиция, ни поисковики. Разработанные им правила соблюдались неукоснительно. Стопроцентная предоплата. Молчание. Договор, по толщине сопоставимый с «Войной и миром».

Причины, по которым клиенты обращались за его услугами, Михаила не интересовали. Решение каждый принимал сам, он – лишь попутчик и сопровождающий. Поддерживать беседы тоже не хотелось: обычно говорили клиенты, его дело – выслушать.

На этот раз всё складывалось иначе. Во-первых, женщина была молодой, в то время как средний возраст клиента – далеко за шестьдесят. Во-вторых, она была слишком жизнерадостной для последнего похода. В-третьих, богатой наследницей трёх заводов ферросплавов. Наконец, красивой. И с каждым днём расцветала всё ярче.

Михаил водил её по лесам и холмам третью неделю, выбирая подходящее место. Сроки давно прошли, и он каждый раз обещал себе: завтра.

На одном привале терпение лопнуло.

– Ты каждый день моешь голову и делаешь макияж. Зачем?

– Может, я хочу тебе понравиться.

– Мы уже выяснили, что я дебил.

– Девочки таких любят, – улыбнулась она.

Этой женщине были к лицу горы и чистый воздух: здесь она казалась ещё прекраснее, чем в городе. Нарушив строгие правила, он спросил:

– Зачем ты решила это сделать?

– А как же договор? Насколько я помню, ты не имеешь права на подобные вопросы.

– Я знаю, это не моё дело. Но... У меня такое ощущение, что ты – редкое и драгоценное произведение искусства, вроде «Моны Лизы», а я должен тебя уничтожить, сжечь. Ты же красивая!

– Спасибо, ты получил деньги?

– Да.

– Договор подписал?

– Да.

– Вот и не выноси мне мозг. Сегодня хороший солнечный день. Пусть всё случится завтра.

Ночью он не спал. Его клиенты не были простыми людьми – это факт. Некоторые сделали в жизни много плохого, и такой финал можно было считать закономерным. Но эта женщина – особый случай. Даже если она сотворила что-то ужасное, отвратительное, из ряда вон, ему наплевать.

Утром она заглянула в палатку, растолкала его и сказала:

– Сегодня красивый день для «прыжка».

– Как и ты.

– Заклинило тебя на слове «красивая». Может, я внутри гнилая?

– Я в конфетах ценю обёртки.

– Давай чётко по договору.

– Давай. Вот таблетки, ты должна их выпить. Дальше – моя работа.

– Ты серьёзно?

– А что не так?

– Ты не задушишь меня, не воткнёшь нож в сердце, не застрелишь? Таблетки. Слишком тихо и трусливо.

– Я же не маньяк.

– А шрам на лице?

– Кошка поцарапала.

– Какая кошка?

– Обыкновенная, беспородная, живёт со мной и мамой.

– Ты как гомик.

– На себя посмотри! До чего докатилась.

– О, как мы запели! А что насчёт договора и секретности личной информации?

– В задницу договор! Рассказывай, что ты такого сделала, раз хочешь уйти.

– Правильнее будет сказать, чего я не сделала. Когда живёшь в семье гениев и творцов, от тебя все ждут чего-то особенного. А я обычная.

– Какого чёрта ты припёрлась ко мне? С такими проблемами идут к психологу или подружке, на худой конец – в бар.

– А какого чёрта ты на меня орёшь? Давай сюда свои колёса. А как насчёт последнего желания?

– Делай что хочешь.

Она его поцеловала. И сказала:

– Слушай, а давай перенесём «прыжок» на завтра?

– На послезавтра. Я хочу показать тебе красивый перевал, до него идти два дня.

– Такой же красивый, как я?

– Лучше! Как я.

Лифчик

Свято место пусто не бывает, поэтому у Огурцова всякий раз, когда жена уезжала в командировку, в постели оказывалась новая женщина. Огурцов был верующим и безукоризненно следовал христианским пословицам. Это длилось недолго – пока жена не обнаружила у себя под подушкой лифчик. Не её, к великому сожалению Огурцова.

– Витюша, это чё?

– Это... хм-м-м... подарок тебе!

– А почему он ношенный?

– Так это... я его разносил для тебя. Ты же говорила, что новые вещи натирают.

– Ты чё, из этих?

– Нет, конечно.

– Огурцов, ты мне мозг не парь! Спрашиваю ещё раз: чей это бюстгальтер?

– Эх... ну да, из этих. Это – мой. Мне очень стыдно.

– Бедненький. Почему ты столько лет скрывал?

– Ты про брата моего забыла. Если он узнает, сбежит из тюрьмы, найдёт меня и задушит этим самым бюстгальтером. Наше общество не принимает таких, как я. Надевая женские трусики и бюстгальтер под деловой костюм, я чувствую себя настоящим, смотря шефу в глаза.

Огурцов умел врать и, что там говорить, любил это дело. На последней фразе он пустил слезу и обнял супругу.

– Милый мой, мне ты можешь довериться. То есть всё это время я тебя не интересовала как женщина?

– Ты мой лучший друг!

В голове Огурцова созрел план, благодаря которому можно было не ждать командировок жены и веселиться на полную.

Жена гладила его по спине и жалела:

– Ты мой друг тоже! Как всё хорошо складывается. Мы теперь сможем жить втроём.

– Кто это «мы»?

– Ты, я и Геннадий Харитонович.

Огурцов мгновенно протрезвел от фантазий:

– Какой, на хер, Геннадий Харитонович?

– Мой руководитель и твой будущий лучший друг.

– В смысле?

– Мне надоело скрывать от тебя свои командировки с Генной. Я мучилась каждый раз. А теперь видишь, как всё складно получается. Я поговорю с Геннадием Харитоновичем, он будет любить нас обоих.

Перспектива быть любимым Геннадием Харитоновичем Огурцова явно не устраивала.

– Так ты мне изменяешь?!

– Уже нет, подружка! Мы теперь вместе можем носить мои вещи. А давай Гену сегодня на ужин позовём? Что готовить будем? Чур, я картошку чищу.

В лёгких Огурцова почти закончился воздух:

– Слушай, я пошутил. Это лифчик одной моей знакомой...

– Витюша, так и я пошутила. Смешно же? Ну и хохмачи мы с тобой...

Trip

– Да поел я, мам, не волнуйся. Как голос может быть голодным?! Ма, тут такое дело: предлагают на летних каникулах поехать в Пекинский университет на языковую практику. Как думаешь, согласишься? Денег не надо, всё бесплатно – я в программе по обмену участвую.

Мише действительно предлагали поехать в Пекин, но по другому вопросу.

– Мишган, ты же китайский учишь? – спрашивал в баре пьяным голосом его новый знакомый.

– Мандарин, это северокитайский язык.

– Звучит как Новый год. Короче, тема есть... Промышленная химия.

Тема была очень простой: найти и привезти знаменитые китайские наркотики. Соли, курительные смеси и тому подобное. Миша считал, что ребятам нужны исходники для производства парниковой плёнки.

Они летели в Китай втроём. Двое его коллег по путешествию не очень походили на садово-огородных баронов. Скорее на цыганских. У обоих были золотые зубы и, судя по размерам золотых цепей, такие же шеи. Первое, что спросили его новые друзья ещё при прохождении зелёного коридора, – как будет по-китайски «проститутки». Прилетев в Пекин, пить начали ещё в терминале Кэпитала. Попутчики знали много смешных историй, правда, почему-то только про зону. Потом один из них сказал, что ни разу не катался на горных лыжах, да ещё в Китае. Они тут же сели в такси, и Миша озвучил водителю: «Ванлунь». Этот горнолыжный курорт посоветовал уборщик в туалете аэропорта, когда Мишу стошнило после второй бутылки анисовой водки.

В такси у Миши опять зазвонил телефон. Он был ещё пьян, а двое коллег по парник-трипу безмятежно храпели на заднем сиденье.

– Мам, привет! Прилетел. Всё хорошо. Пекин шикарен... Просквозило меня немного в самолёте, поэтому голос такой. Едем с ребятами в общагу. Да поел я! Пока.

На курорте Мише очень понравилось. Заселили в гостиницу моментально. Снова выпили. Взяли лыжи напрокат. Опять выпили. И поехали на вершину горы. На первом же спуске Миша сломал ногу.

Китайские спасатели спустили Мишу на снегоходе вниз. Потом на скорой отвезли в больницу маленького города неподалёку. Рентген и пластиковый гипс. Больше всего инцидент расстроил коллег: они приехали в больницу, привезли пять апельсинов и бутылку анисовой водки. Поговорили через Мишу с доктором. Когда узнали, что минимум неделю без движения – испереживались. Ещё больше расстроились, когда узнали сумму счета за лечение, и забрали водку. В тот же день они уехали. Больше Михаил их никогда не видел. Телефоны были отключены.

Наутро Миша проснулся от ужасной головной боли. Он лежал в палате с пятью китайцами, которые очень громко разговаривали и кашляли. Одна нога была в гипсе, вторая обута в горнолыжный ботинок. Одет он был в комбинезон, в котором неудачно спустился. Было жарко и потно, нога в гипсе зудела. Пришла медсестра с сотовым телефоном: звонили из гостиницы. Информировали о том, что его друзья уехали. Счёт за гостиницу и прокат снаряжения должен оплатить Миша. Друзья так сказали.

Через неделю Мишу выписали из больницы. Ну, как выписали, просто перестали кормить, а на его кровать положили веселого старичка-китайца. Миша понял, что это намёк, стащил швабру, которую приспособил под трость и, как древнерусский богатырь, пошёл куда глаза глядят. Все вещи находились в гостинице, и, чтобы их забрать, требовалось заплатить. А денег, естественно, не было.

Родителям звонить было стыдно. В животе урчало: есть хотелось нестерпимо. Миша зашёл в ближайшее придорожное кафе и случайно попал на хозяина заведения. Тот был поваром, официантом и уборщиком в одном лице. Миша попросился на работу за еду и ночлег. Ресторатор сразу согласился: европеец, работающий на китайца, должен поднять уровень заведения в глазах гостей до мишленовских звёзд.

Так Миша нашёл работу. Глядя на него, казалось, что тиран-китаец держит парня с голубыми глазами в рабстве, а чтобы паренёк наверняка не сбежал, китаец сломал ему ногу. Спал Миша в этом же кафе на полу, на матрасе. Однажды он так хорошо помыл посуду (всю ночь драил сковородки и кастрюли, которые, похоже, никогда не мыли), что китаец-тиран на радостях подарил ему ящик анисовой водки. Миша немного выпил и загрустил: были свежи воспоминания о том, как он пил анисовую водку на китайской земле в первый раз. Он взял пару бутылок с собой и пошёл гулять. Холодало, он зашёл в холл какой-то гостиницы погреться. Там, оживляя интерьер, сидели три русские девушки. Миша спросил их первым:

- Девчушки, хотите водки?
- Конечно, хотим.
- Что, тоже китайцы бесят?
- Ну не то слово!

Они выпили всю водку. Оказалось, девушки окучивают ниву древнейшей профессии. Но вот с клиентами – беда. Мише в голову сразу зашла блестящая бизнес-идея. Работая в кафе, он обзавелся друзьями-китайцами, которые мечтали о неземной красоте русских девушек. Связав спрос и предложение, он заинтересовал дам деловым партнёрством со скромным отчислением двадцати пяти процентов. Понятно, дамы долго не раздумывали.

Бизнес пошёл. От клиентов отбиться не могли. Китайцам было удобнее договариваться с мужчиной. Через месяц Миша оплатил все долги в гостинице и больнице, снял четырёхкомнатную квартиру. Он чувствовал себя порнокоролём. Периодически ему на телефон звонили.

– Але, мам, да поел я. У меня всё нормально, денег не надо. Мне стали платить повышенную стипендию. Я вам вчера «Вестерн Юнионом» кусочек отправил. Мам, ну перестань, говорю же, поел...

Р. S. Михаил Петрович до сих пор живёт в Китае. У него жена-китаянка и чудесный ребёнок – раскосый и с голубыми глазами. Плюс он собственник одной из самых больших в Северном Китае транспортных компаний, которая осуществляет перевозки по всему миру. На звонке мобильного у него до сих пор стоит песня Питера Гэбриела «Don't give up!» («Не сдавайся!»).

Волшебная сила искусства

Фомин был обычным мужиком, за исключением одного: иногда ему хотелось драться. Место для поединка и жертву он выбирал осознанно. Это непременно должен был быть отец какого-нибудь ребёнка, а место действия – кинотеатр. Фомин покупал билет в центр зала на какой-нибудь детский мультфильм и садился перед папой ребёнка. Дальнейшее было делом техники:

- Молодой человек, не могли бы вы снять шапку? Из-за неё не видно экрана.
- Шапка Фомина чем-то напоминала ведро на детских изображениях снеговика.
- А ты зачем хамишь?
- Я вам спокойно сказал.
- Ты Путин?
- Нет!
- А хер ли ты мне указываешь, как жить?
- Я не указываю, просто тут дети. Ещё большая просьба – не выражайтесь.
- Ну всё, ты меня тупым уродом обозвал...

Фомин только этого и ждал. Он бил первым. Оппонент, как правило, отвечал, и начинался бой в сопровождении лирической диснеевской песенки. Зрители, мамы с детишками, обычно пугались до смерти. Ей-богу, лучше бы Фомин марки собирал.

Дрался Фомин так себе, и, как правило, драчунов выводили из зала с разбитыми носами. Приезжала полиция, проводила разъяснительную беседу с хулиганами. Особенно доставалось тому, кто пришёл на киносеанс с ребёнком. Типа, какой пример вы подаете сыну. В эти моменты Фомин получал мегатонный заряд энергии и всю следующую неделю спокойно работал резчиком ингредиентов для салата «хе».

На работе Фомина ценили – за исполнительность. Это снаружи. А внутри он своих коллег презирал. Мечтал сходить с ними со всеми на хороший детский мультфильм. Да, ещё забыл сказать, что по субботам, когда все разъезжались по домам, он принимал ванну в большом резервуаре для готового салата «хе». Считал, что смесь уксуса и морковного сока, используемая в салате, необходима его коже.

Настал долгожданный день похода в кино. У касс Фомин выбирал жертву. Не попёрло как-то сразу. В зоне видимости – одни мамы с детьми. Женщин и детей Фомин не трогал. Наш герой был принципиален и благороден. До начала сеанса оставалось семь минут. Фомин занервничал: он не любил опаздывать на сеанс – и любил трейлеры. Это уникальный шанс распланировать свои следующие походы.

Неожиданно к кассам подошёл бодрый дедушка с внучкой. Фомин задумался... В его стоп-листе – только женщины и дети. Никаких дедов! Он тут же пристроился в очередь за красивой парочкой.

Сеанс начался. Фомин сел прямо перед бодрим дедушкой. После первого трейлера Фомин решил провести легкую рекогносцировку и вытянул правую руку вверх. К нему тут же обратились сзади.

- Опустите, пожалуйста, руку!
- Не могу.
- Почему?
- Затекла.
- А если я тебе её сломаю, а потом запихаю в место, название которого нельзя произносить на детских мероприятиях? – спросил бодрый дедушка.

Вроде бы можно ударить, но что-то в этом деде было странное. Фомин решил подождать с нападением и опустил руку.

Внучка сказала:

– Дедушка, успокойся, а то будет как в прошлый раз.

– Ниночка, я спокоен, просто от группы дебилов отбился один с отёкшей рукой.

– Это ты кого дебилем назвал? – сказал Фомин и встал.

Бодрый дедушка провёл серию из трёх ударов по физиономии Фомина. Тот сел. Против своей воли.

– Дедушка, я же просила!

– Ниночка, смотри мультик. Слышь, дебил, отёк прошёл?

Неожиданно в разговор вступила женщина, сидевшая рядом.

– Тут люди вообще-то. Вы мешаете. Можете шёпотом разбираться?

– Извините, мадам. (*Шёпотом.*) Слышь, дебил, отёк прошёл?

– Я не дебил, – сказал Фомин и тут же получил ногой в затылок.

Впервые Фомину стало страшно. Он взмолился:

– Перестаньте меня бить. Дайте мультик досмотреть.

– Слышь, педофил, смотри, конечно, – ласково сказал дедушка и начал проводить удушьющий приём.

Фомин взвыл:

– Не душите меня!

– Я же просила! – вмешалась женщина.

– Перестаньте меня душить! – шёпотом взмолился Фролов.

– Дедушка, отпусти дядю! – вмешалась внучка. – Дядя, я бы на вашем месте свалила отсюда.

Как только дедушка перестал душить Фомина, тот решил отомстить обидчику. И тут же пропустил две серии ударов. Скорректировав первоначальный план, Фомин быстро выбежал из зала. Дедушка побежал за ним. Очень бодро.

Женщина обратилась к внучке:

– Интересный у тебя дедушка.

– А то! – гордо сказала Ниночка. – Олимпийский чемпион по боксу. И КМС по бегу.

– Бедный мужчина...

Дедуля догонял Фомина пару раз. И каждый раз Фомину было мучительно больно.

Фомин разлюбил детский кинематограф. А ещё после этого случая вы можете спокойно есть салат «хе».

Экскурсовод

Живёт на Алтае одна бабуля. Экскурсовод по интересным местам. И всё бы ничего, но каждый раз у неё места эти получаются с разной историей. Ну любит человек свою работу и креативит с Божьей помощью.

– Ребята, не отставайте. мы проходим с вами сопку Чингисхана. Именно здесь он решил, что татаро-монголы будут передвигаться на лошадях, а не пешком. Это стало ключевым решением для развития татаро-монгольского ига в РФ. Попробуйте на бегу столько городов захватить? А как спать на бегу? А обедать? Идёмте дальше.

Если в начале карьеры группы были по два-три человека, теперь к ней валили толпами почитатели Подлинного Алтая. Люди, которые весь Горный облазили вдоль и поперёк, шли к ней за новыми эмоциями.

– Посмотрите внимательно на этот изгиб реки Катунь. Именно здесь обручились мой любимый актёр Шон Пенн и выскочка Мадонна. Не люблю её! Сколько раз Шону говорила: «Есть же София Ротару, Люба Успенская, Алёна Апина наконец». Нет, блин, бормочет что-то на своём тарабарском.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.